

HISTORY OF MEDICINE

ИЗ ИСТОРИИ МЕДИЦИНЫ

УДК 930.1+616.31+376.1+316.422.44+614.255.6+377.3
DOI: 10.56871/7775.2022.46.90.007

К ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СТОМАТОЛОГИИ: РЕФОРМА ЗУБОТЕХНИЧЕСКОГО ДЕЛА В 1918–1921 ГОДАХ

© Егор Сергеевич Максимов^{1, 2}, Константин Анатольевич Пашков^{1, 2}

¹Московский государственный медико-стоматологический университет им. А.И. Евдокимова. 127473, Российская Федерация, Москва, ул. Делегатская, д. 20, стр. 1

²Национальный научно-исследовательский институт общественного здоровья имени Н.А. Семашко. 105064, Российская Федерация, Москва, ул. Воронцово поле, д. 12, стр. 1

Контактная информация: Егор Сергеевич Максимов — младший научный сотрудник отдела «Российский музей медицины». E-mail: 79778220515@yandex.ru

Поступила: 27.05.2022

Одобрена: 05.09.2022

Принята к печати: 30.09.2022

РЕЗЮМЕ: Реформа зуботехнического дела стала важным направлением деятельности, созданной при Народном комиссариате здравоохранения в 1918 году Зубоврачебной подсекции. Проводить реформу необходимо было в условиях военного коммунизма и Гражданской войны, отсутствия оборудования и материалов, нехватки профессиональных кадров (в дореволюционной России зубных техников готовили путем ученичества у наставников, а право на деятельность они получали в ремесленных управах). Основные усилия подсекции во главе с П.Г. Дауге были направлены на запрещение самостоятельной деятельности зубных техников, нередко занимавшихся протезированием зубов без участия зубных врачей ввиду нехватки последних; привлечение зубных техников к трудовой повинности и на государственную службу; организацию зуботехнического образования (от идеи создания учреждений образования при медицинских факультетах университетов пришлось отказаться, но зуботехнические школы были открыты); организацию бесплатной зуботехнической помощи (почти неосуществимую в те годы). Несмотря на сложности, все эти задачи Зубоврачебной подсекции удалось в той или иной степени решить в 1918–1921 годах. Статья написана на основе архивных источников, впервые вводимых в научный оборот.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: история медицины; реформа зубопротезирования; зубные техники; зуботехнические школы.

TO THE HISTORY OF DOMESTIC DENTISTRY: REFORM OF DENTAL ENGINEERING IN 1918–1921

© Egor S. Maksimov^{1, 2}, Konstantin A. Pashkov^{1, 2}

¹Moscow State Medical and Dental University named after A.I. Evdokimov. Delegatskaya str., 20–1. Moscow, Russia, 127473

²N.A. Semashko National Research Institute of Public Health. Vorontsovo Pole str., 12–1. Moscow, Russia, 105064

Contact information: Egor S. Maksimov — Junior Researcher at the Department of the «Russian Museum of Medicine». E-mail: 79778220515@yandex.ru

Received: 27.05.2022

Revised: 05.09.2022

Accepted: 30.09.2022

ABSTRACT: The reform of dental engineering became an important line of work for the People's Commissariat for Health created in 1918 by the Dentistry Sub-section. The reform had to be carried out under the conditions of military communism and the Civil War, lack of equipment and materials, shortage of professional staff (in pre-revolutionary Russia, dental technicians were trained through apprenticeship with mentors, and they received the right to work in crafts departments). The main efforts of the subsection headed by P.G. Dauge were aimed at prohibiting dental technicians from working independently, frequently arranging dental prosthetics without dentists due to the lack of the latter; engaging dental technicians in the civil service; organizing dental education (the idea of creating educational institutions within the medical departments of universities was abandoned, but dental schools were opened); organizing free dental technical aid (almost impossible to fulfill). In spite of all the difficulties, the Dentistry Sub-section succeeded in one way or another in solving these problems in 1918–1921. The article is written on the basis of archival sources, introduced into scientific circulation for the first time.

KEY WORDS: history of medicine; dental reform; dental technicians; dental schools.

После образования в 1918 году Народно-го комиссариата здравоохранения с лечебной секцией и тремя подсекциями — психиатрической, санаторно-курортной и зубоучебной, руководитель последней, зубной врач и соратник В.И. Ленина по революционной борьбе Павел Георгиевич Дауге, приступил к реформе отечественного зубоучебания, в том числе зуботехнического дела. Первым шагом в этом направлении стали мероприятия, направленные против деятельности зубных техников, иногда занимавшихся протезированием зубов самостоятельно, без участия зубных врачей. 3 сентября 1918 года на экстренном совещании коллегии Зубоучебной подсекции Наркомздрава был заслушан и одобрен проект соответствующего декрета: «Зубоучебная протезная техника, как органическая часть зубоучебания, изымается из-под контроля ремесленных управ и подчиняется контролю Зубоучебной подсекции Народного комиссариата здравоохранения. Зубные техники лишаются права самостоятельного приема на дому пациентов с целью изготовления протезов и всякого исполнения входящих в сферу зубоучебных работ» [2].

П.Г. Дауге, описывая события того времени, писал в 1933 году следующее: «Вполне сознавая, что... индивидуальная ремесленная выучка в отдельных случаях может дать весьма талантливых работников, нередко даже превосходящих рядового дипломированного зубного врача в искусстве протезирования, зубсекция НКЗ все-таки считала нужным издать строжайшие циркуляры, лишаящие зубтехников права каких бы то ни было самостоятельных манипуляций в полости рта. Зубсекция хотела положить конец тому шкурническому, беспардонному нарушению закона, которое повсюду наблюдалось со стороны громадной массы зубтехников, следовавших по стопам отдельных, действительно

высококвалифицированных техников, которым подобное право могло быть предоставлено в виде исключения, по проверке их научных знаний и при условии соответствия данного лица социально-политическим требованиям момента» [21]. Позже им все-таки разрешили подойти к пациенту. П.Г. Дауге в 1919 году писал: «Технику может быть предоставлено вмешательство в полость рта той области, где подготовка рта незаметно переходит к подготовке технических манипуляций, где начинается настоящая сфера протезной техники. Бесспорно, на этой грани сталкиваются компетенции двух областей — терапевтической и протезной» [19].

По-видимому, в условиях высокой потребности населения в зубоучебной помощи и жестокой нехватки зубных врачей зубные техники часто переступали эту тонкую грань, поскольку на заседании Зубоучебного подотдела Наркомздрава 28 января 1920 года было принято решение ужесточить меры: «...до достижения идеала, когда зубоучебная и зуботехническая помощь делается исключительно государственной, совершенно бесплатной и быстро получаемой всеми нуждающимися в ней, наша обязанность все же оградить население от незаконного вмешательства этих невежественных представителей зубоучебания и зуботехники... Какими же мерами можно если не покончить с этим злом, то хоть сократить его до минимума? ... По нашему мнению, меры эти следующие.

1) Издать декрет о воспрещении зубоучебной и зуботехнической самостоятельной практики под страхом ответственности по законам революционного времени.

2) Немедленно реквизировать все кресла и бормашины у этих лиц как нужные для государственного зубоучебания предметы и являющиеся к тому же для техников совершенно излишними.

послеоперационный протез, отсутствие свыше 6 зубов одной челюсти (в том числе не менее 4 на одной стороне, или 4 моляров, или 2 моляров и 4 бicuspidатов), отсутствие 2 верхних центральных резцов, 2 фронтальных зубов в одной челюсти, а также больные со сниженным питанием вследствие плохого состояния существующих зубов. Мостовидные протезы должны были применяться только в определенных случаях послеоперационного протезирования, коронки следовало изготавливать только на зубы, служащие носителями кламеров, если эти зубы не могли быть длительно сохранены пломбированием. Внеочередное протезирование производилось при необходимости изготовления obturatora и послеоперационного протеза, а также в случаях, если больной был командирован с фронта для протезирования или отправлялся на фронт и при резком упадке питания больного. Допускалось протезирование и одного зуба по профессиональным показаниям — актерам, певцам, ораторам [10].

Потребность в зубных техниках была достаточно высока. Согласно выработанному Зубоврачебной подсекцией плану государственной зубоврачебной помощи на 1920 год, на 4 зубных врачей, обслуживающих городское и сельское взрослое население, должен приходиться один зубной техник [11]. В то же время профессионализм зубных техников мог значительно варьировать. На II Всероссийском совещании заведующих зубоврачебными подотделами (1920) М.О. Коварский характеризовал их следующим образом: «Сплошь и рядом малограмотный, прошедший только школу механической выучки у такого же ученика, абсолютно невежественный в медицинских вопросах, наш зубной техник в лучшем случае является лишь искусным ремесленником. Для полноты картины напомним вам, что зубной техник — наш ближайший помощник — до последнего времени числился в ювелирном цехе и получал свой диплом из ремесленной управы» [15].

Соответственно, важнейшим вопросом стала реформа зуботехнического образования, хотя, как отмечал заведующий первой в России зуботехнической школой М.О. Коварский (1927), «говорить... о реформе можно лишь относительно, поскольку никакого образования в общепринятом смысле для зубных техников в дореволюционной России вообще не существовало». Ученая одонтологическая комиссия приступила к обсуждению этого вопроса в середине 1919 года, исходя из того, что «зубтехник является отнюдь не ремесленником, а

квалифицированным медицинским работником, хотя и не самостоятельным, а работающим по заданию и под наблюдением зубного врача. В качестве медицинского работника зубтехник должен обладать как некоторой общей подготовкой, так и знакомством с общебиологической и медицинской основой своей профессии» [22].

Согласно принятому в итоге положению, «для создания в России кадра научно-образованных зубных техников учреждаются в университетских городах зуботехнические школы с трехлетним курсом, куда принимаются лица обоего пола, не моложе 16 лет, с образованием не ниже школы второй ступени. <...> В школе преподаются следующие предметы: анатомия общая и специальная, физиология, бактериология, гигиена, физика, химия, металлургия, протезная техника и общее знакомство с основами ортодонтии. Школа имеет ряд собственных научно-обставленных технических мастерских, лабораторий, а также зубоврачебную амбулаторию на 10 кресел, где зубными врачами производится подготовка полости рта и сдача протезов... Проверка знаний по теоретическим предметам производится в течение всего курса, что касается практических курсов — то такая проверка производится при переходе с одного семестра на другой. Школа рассчитана на 200 человек» [3].

Правда, на заседании коллегии Ученой одонтологической комиссии 17 июля 1919 года выяснилось, что вопрос о подведомственности профессиональной зуботехнической школы должен быть предварительно решен с Наркомпросом и Отделом профессионального образования Наркомздрава [4]. Несмотря на все сложности межведомственных отношений, первая в стране зуботехническая школа открылась в Москве по адресу Долгоруковская, 18 (в здании бывшей Первой московской зубоврачебной школы доктора И.М. Коварского). Директором школы был назначен однофамилец, земляк и родственник Ильи Матвеевича — Михаил Осипович Коварский.

Согласно отчету М.О. Коварского о деятельности зуботехнической школы за первое полугодие 1920 года, занятия начались 20 января. Записались 50 слушателей, но регулярно посещали занятия только 10–15 человек, поэтому прием слушателей был продлен до 1 мая, благодаря чему число учащихся достигло 23 человек. Отметим, что учащиеся школы получали государственную субсидию (стипендию), которой лишались, если прогуливали занятия на протяжении четырех дней и более [7]. Воз-

можно, в голодные годы военного коммунизма именно эта субсидия как дополнительный доход привлекала поначалу слушателей, которые затем начинали пренебрегать занятиями. 31 марта 1920 года М.О. Коварский докладывал на заседании Зубоврачебного подотдела: «Слушатели не особенно стали аккуратно посещать школу. Слушателям поставлено на вид и, надо думать, дело снова наладится» [14].

Заведующий отмечал, что «по протезной технике учащиеся достаточно хорошо усвоили: снятие слепков, отливку моделей, изготовление шаблонов, определение прикуса, постановку зубов на частичных протезах, приточку зубов... Теоретические занятия велись по анатомии общей и специальной, химии и физике, чтение лекций по металлургии пришлось отложить на 2-й семестр ввиду невозможности найти подходящего лектора...» [8].

Однако обязанности учебного заведения не исчерпывались только обучением юношей и девушек зуботехническому делу. После открытия зуботехнической школы Зубоврачебная подкомиссия Наркомздрава приступила к «легализации» зубных техников, получивших до революции «кабинетное» образование у наставников, а разрешение на профессиональную деятельность от ремесленных управ. Согласно утвержденному в 1920 году Зубоврачебной подкомиссией Наркомздрава положению, до 1 января 1922 года они должны были пройти испытания на звание зубного техника; в дальнейшем звание зубного техника могли получить только выпускники зуботехнической школы. Желаящий пройти испытания должен был предоставить свидетельство об образовательном цензе не ниже бывшего сельского или городского училища; при отсутствии такого свидетельства необходимо было выдержать экзамен по общим предметам при какой-либо школе I ступени. Испытания на звание зубного техника должны были производиться при зуботехнических школах или (там, где их нет) при Одонтологическом отделении медицинского факультета. В состав испытательной комиссии должны были войти лектор протезной техники, ассистент протезной клиники и руководитель практических занятий в протезной мастерской. Экзаменационная программа была разработана директором зуботехнической школы М.О. Коварским. Испытания для зубных техников проводили по следующим предметам:

1) Общее понятие об артикуляции, форме зубов и челюстей, составе и свойствах материалов, применяемых в протезной технике по

определенной программе, утвержденной Зубоврачебной подкомиссией Наркомздрава.

2) Изготовление протезов:

- а) частичный каучуковый протез;
- б) полный протез с пружинами;
- в) металлический протез штампованный;
- г) коронки (паянные и штампованные);
- д) коронка, штифтовый зуб разных систем;
- е) мостик литой;
- ж) изготовление небных obturators [5].

Выдержавшим испытание в недавно созданной зуботехнической школе выдавали соответствующее удостоверение с печатью и подписью директора М.О. Коварского [6]. Как писал П.Г. Дауге (1933), «таким образом несколько сотен бесправных специалистов было втянуто в общую зуботехническую семью как равноправные члены союза Медсантруд данной категории» [21].

О том, с какими трудностями, помимо низкой посещаемости учащимися и большим их отсевом, пришлось столкнуться М.О. Коварскому и преподавателям первой в стране зуботехнической школы, созданной в условиях военного коммунизма, мы узнаем из протоколов заседания педагогического совета школы. Так, например, 4 июня 1921 года было принято решение «ввиду тяжелого продовольственного положения, отражающегося на здоровье и посещении учащихся, закончить семестр 15 июня, с тем, чтобы занятия на осеннем семестре начать не с 1 сентября с[его] г[ода], а с 15 августа», и поэтому «требовать от учащихся зачеты лишь по штифтовым зубам всех систем». Ввиду острого недостатка инструментария было принято решение неуспевающих на второй год не оставлять: «Те из слушателей, кои, либо по неспособности, либо вследствие недостаточно старательного отношения к делу, не сдадут определённого минимума в основном предмете — протезной технике, должны выбыть из числа учащихся. Исключение может быть сделано в отдельных случаях Педагогическим Советом лишь для тех слушателей, неуспешность которых объясняется болезнью или какой-либо другой уважительной причиной...» [17].

Были и почти анекдотические случаи. 27 сентября 1921 года М.О. Коварский направил в Зубоврачебную секцию письмо следующего содержания: «В ночь с 26 на 27 сентября у меня был проведён обыск агентами В.Ч.К., причём ими было у меня забрано находившееся у меня золото в количестве 48 грамм, принадлежащее Зуботехнической школе вместе с фактурой Главзолота. Прошу обратиться в В.Ч.К. с ходатайством о возвращении школе

ограбленного золота, необходимого школе для работы. Золото это хранилось у меня на дому в виду того, что после кражи, произошедшей в школе в июле т[ого] г[ода] я условился, что хранить его в школе неблагоразумно, так как железного шкафа уже не имеется, а замки обыкновенные легко могут быть открываемы. М. Коварский» [18]. И еще: в ноябре 1921 года Зубоврачебная подсекция направила в зуботехническую школу такое письмо: «На отношение от 21.11. за № 820 Зубсекция Н.К.З. запрашивает, поступил ли ответ Уголовной Милиции на ваше заявление о пропаже халатов. Пропавшие же халаты Зубсекция предлагает исключить из инвентаря» [16].

По всей вероятности, конфискованное золото агенты ВЧК вернули, а пропавшие халаты были списаны. Во всяком случае, первый выпуск зубных техников благополучно состоялся в 1923 году. В том же году зуботехнические школы перешли под управление Наркомпроса. К 1927 году в СССР функционировало 5 или 6 зуботехнических школ [22]. Правда, как отмечал П.Г. Дауге (1933), зубные техники, получившие знания в области дентиатрии, по окончании курсов начинали «втихомолку заниматься самостоятельным зубоврачеванием. Таким образом, школа техников благодаря неудачно составленной программе чуть ли не воскресила похороненную нами зубоврачебную школу. Это послужило поводом к коренному пересмотру прежней программы и к выработке новой программы, значительно расширяющей объем таких предметов как математика, физика, химия, механика, скульптура, но исключая те медицинские предметы, которые составляли сущность прежних школ» [21].

После вступления в должность заведующий Зубоврачебной подсекцией Народного Комиссариата Здравоохранения П.Г. Дауге в своем программном докладе в 1918 году так формулировал стоящие перед ним задачи в области зуботехнического дела:

«А. Зуботехническая техника составляет органическую часть научного зубоврачевания и как таковая не может быть отделена от зубовр[ачебной] науки. Ввиду этого,

Б. Первым шагом в реформе зуботехнического дела должно быть прямое его слияние с зубовр[ачебной] наукой и его подчинение контролю не какой-нибудь ремесленной управы, а зубовр[ачебному] отделу мед[ицинского] факультета.

В. При зубовр[ачебном] отделе мед[ицинского] факультета должны быть открыты

специальные зубоврачебные институты для формирования будущего кадра техников-практиков с соответствующим научно-техническим образованием (включая сюда знание основ анатомии и физиологии рта, гигиены, металлургии, физики, химии и пр.).

Г. Ныне существующие зубные техники лишаются права самостоятельного изготовления на дому зубных протезов и всякого исполнения входящих в сферу зубоврачебных работ.

Д. Зубная протезная техника, как часть зубовр[ачебной] науки и один из видов попечения о народном здравоохранении, есть дело государственное и поэтому зубные техники объявляются состоящими на государственной службе с пользованием всеми преимуществами последней.

Е. При зуботехническом институте зубовр[ачебного] отделения мед[ицинских] факультетов должны быть организованы краткосрочные курсы с обязательным прохождением их принятыми на государствен[ную] службу зуб[ными] техниками с целью приобретения ими главных элементов научного протезирования» [1].

Можно констатировать, что всего за три года план, намеченный П.Г. Дауге в 1918 году, был выполнен почти полностью. Правда, открытые зуботехнические школы так и не примкнули к медицинским факультетам университетов, но ведь даже одонтологические кафедры при них Дауге удалось организовать после бурных дискуссий и долгой бескомпромиссной борьбы с оппонентами; к тому же, как показала практика, зубных техников оказалось опасно обучать основам зубоврачевания. Таким образом, в труднейших условиях, в эпоху военного коммунизма реформа зуботехнического дела в послереволюционной России была выполнена быстро и достаточно эффективно.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГАРФ. Ф. А482. Оп. 1. Ед. хр. 12. Лл. 1–7.
2. ГАРФ. Ф. А482. Оп. 1. Ед. хр. 12. Лл. 34, 52.
3. ГАРФ. Ф. А482. Оп. 20. Ед. хр. 10. Лл. 33–34.
4. ГАРФ. Ф. А482. Оп. 20. Ед. хр. 10. Л. 51.
5. ГАРФ. Ф. А482. Оп. 20. Ед. хр. 36. Л. 31.
6. ГАРФ. Ф. А482. Оп. 20. Ед. хр. 36. Л. 9.
7. ГАРФ. Ф. А482. Оп. 20. Ед. хр. 36. Лл. 3–4.
8. ГАРФ. Ф. А482. Оп. 20. Ед. хр. 36. Лл. 5–6 об.
9. ГАРФ. Ф. А482. Оп. 20. Ед. хр. 39. Л. 12, 12 об.
10. ГАРФ. Ф. А482. Оп. 20. Ед. хр. 39. Л. 140.
11. ГАРФ. Ф. А482. Оп. 20. Ед. хр. 39. Л. 15, 36.
12. ГАРФ. Ф. А482. Оп. 20. Ед. хр. 39. Лл. 106.
13. ГАРФ. Ф. А482. Оп. 20. Ед. хр. 39. Лл. 2, 2 об.
14. ГАРФ. Ф. А482. Оп. 20. Ед. хр. 39. Лл. 41.
15. ГАРФ. Ф. А482. Оп. 20. Ед. хр. 47. Л. 77.

16. ГАРФ. Ф. А482. Оп. 20. Ед. хр. 57. Л. 72, 99.
17. ГАРФ. Ф. А482. Оп. 20. Ед. хр. 57. Лл. 63, 63 об.
18. ГАРФ. Ф. А482. Оп. 20. Ед. хр. 57. Лл. 88, 88 об.
19. Дауге П.Г. К вопросу о зуботехническом образовании. Известия Народного Комиссариата Здравоохранения. 1919; 9–10: 20–22.
20. Дауге П.Г. О роли стоматологии в общей системе современной профилактики (По поводу 5-летия Гос. Института Зубоврачевания). М.: ЦК Медсантруд; 1927.
21. Дауге П.Г. Социальные основы советской стоматологии. М.: Государственное медицинское издательство; 1933.
22. Коварский М.О. Реформа зуботехнического образования. Одونتология и стоматология. 1927; 5: 20–2.
10. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. F. A482. Op. 20. Ed. khr. 39. L. 140. (in Russian).
11. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. F. A482. Op. 20. Ed. khr. 39. Ll. 15, 36. (in Russian).
12. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. F. A482. Op. 20. Ed. khr. 39. L. 106. (in Russian).
13. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. F. A482. Op. 20. Ed. khr. 39. Ll. 2, 2 ob. (in Russian).
14. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. F. A482. Op. 20. Ed. khr. 39. L. 41. (in Russian).
15. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. F. A482. Op. 20. Ed. khr. 47. L. 77. (in Russian).
16. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. F. A482. Op. 20. Ed. khr. 57. Ll. 72, 99. (in Russian).
17. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. F. A482. Op. 20. Ed. khr. 57. Ll. 63, 63 ob. (in Russian).
18. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. F. A482. Op. 20. Ed. khr. 57. Ll. 88, 88 ob. (in Russian).
19. Dauge P.G. K voprosu o zubotekhnicheskoy obrazovanii. [On the subject of dental education]. Izvestiya Narodnogo Komissariata Zdravookhraneniya. 1919; 9–10: 20–22. (in Russian).
20. Dauge P.G. O roli stomatologii v obshchey sisteme sovremennoy profilaktiki (Po povodu 5-letiya Gos. Instituta Zubovrachevaniya). [On the Role of Dentistry in the General System of Modern Prophylaxis (On the 5th Anniversary of the State Institute of Dental Medicine)]. Moskva: TsK Medsantrud Publ.; 1927. (in Russian).
21. Dauge P.G. Sotsial'nye osnovy sovetskoj stomatologii [Social foundations of Soviet dentistry]. Moskva: Gosudarstvennoe meditsinskoe izdatel'stvo; 1933; 26–40. (in Russian).
22. Kovarskiy M.O. Reforma zubotekhnicheskogo obrazovaniya. [Reform of dental education]. Odontologiya i stomatologiya. 1927. 5: 20–2. (in Russian).

REFERENCES

1. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. [State Archive of the Russian Federation]. F. A482. Op. 1. Ed. khr. 12. Ll. 1–7. (in Russian).
2. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. F. A482. Op. 1. Ed. khr. 12. Ll. 34, 52. (in Russian).
3. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. F. A482. Op. 20. Ed. khr. 10. Ll. 33–34. (in Russian).
4. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. F. A482. Op. 20. Ed. khr. 10. L. 51. (in Russian).
5. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. F. A482. Op. 20. Ed. khr. 36. L. 31. (in Russian).
6. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. F. A482. Op. 20. Ed. khr. 36. L. 9. (in Russian).
7. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. F. A482. Op. 20. Ed. khr. 36. Ll. 3–4. (in Russian).
8. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. F. A482. Op. 20. Ed. khr. 36. Ll. 5–6 ob. (in Russian).
9. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. F. A482. Op. 20. Ed. khr. 39. Ll. 12, 12 ob. (in Russian).